

Глава XI. ПАРИЖ

НАКАНУНЕ 14 ИЮЛЯ

Внимание историков обыкновенно бывает почти всецело поглощено Национальным собранием. Представители народа, собранные в Версале, кажутся им олицетворением революции, и каждое слово, каждый их жест отмечается с благоговением. А между тем в эти июльские дни сердце революции и революционный почин были не там. Они были в Париже.

Не будь Парижа, не будь парижского народа, Собрание было бы ничто. Если бы не страх перед восставшим народом, двор, наверное, распустил бы Собрание, как это делалось не раз впоследствии: 18 брюмера — Наполеоном I и 2 декабря — Наполеоном III во Франции, а в самое недавнее время — в Венгрии и в России. Депутаты, конечно, протестовали бы; ими было бы сказано немало красивых фраз и, может быть, даже сделана была бы попытка поднять провинцию. Но без готового восстать народа, без предварительной революционной работы, оставившей след в массах, без призыва народа к восстанию — призыва, сделанного несколькими смелыми людьми и переданного из уст в уста в народе, без этого собрание представителей бессильно перед установленным правительством, с его сетью чиновников, с его послушной армией!

К счастью, Париж не дремал. Пока Национальное собрание, обманутое кажущейся безопасностью, спокойно принималось 10 июля за продолжение прений о проекте конституции, парижский народ, к которому, наконец, обратились наиболее смелые и дальновидные деятели из буржуазии, готовился к восстанию. В предместьях передавали друг другу все подробности военного разгрома, который подготавливался двором на 16-е число; все было известно там, даже угроза короля удалиться в Суассон и отдать Париж в руки войска. И вот это громадное горнило — Париж стал организовываться в своих «округах» (districts), чтобы противопоставить силу силе. «Помощники-бунтовщики», которыми Мирабо грозил двору, были действительно призваны на помощь; в темных кабачках предместий бедный, одетый в лохмотья Париж совещался о средствах «спасти отечество» и вооружался как мог.

Сотни агитаторов-патриотов, конечно «неизвестных», делали все возможное, чтобы поддержать агитацию и вызвать народ на улицу. Одним из излюбленных средств, пишет Артур Юнг, были петарды и фейерверки; их продавали за полцены, и когда на каком-нибудь перекрестке собиралась толпа, чтобы посмотреть на фейерверк, кто-нибудь обращался к ней с речью и передавал ей известия о заговоре двора. Чтобы рассеять эти сборища, «прежде достаточно было бы одной роты швейцарцев; теперь же понадобился бы целый полк, а через несколько дней понадобится целое войско», — писал Артур Юнг перед 14 июля*.

*Young A. Travels in France during the 1787, 1788 and 1789, v. 1—3. London, 1792—1794. v. 3, p. 219.

И действительно, уже начиная с половины июня парижский народ волновался и готовился к восстанию. Еще в начале июня ожидалась бунта вследствие дороговизны хлеба, говорит английский книгопродавец Гарди, живший в то время в Париже; и если Париж оставался спокойным до 25 июня, то только потому, что до королевского заседания народ все еще надеялся, что Собрание что-нибудь сделает в его пользу. Но 25-го Париж понял, что у него остается одна надежда — восстание.

Часть парижан в этот день направилась уже к Версалю, готовясь к столкновению с войсками. В самом Париже повсюду устраивались сборища, «готовые на самые ужасные крайности», читаем мы в тайных докладах, адресованных министру иностранных дел и изданных Шассеном*. «Народ волновался всю ночь, устраивал иллюминации и пускал множество ракет перед Пале-Роялем и государственным контролем». Раздавались крики: «Да здравствует герцог Орлеанский!»

*Les elections et les cahiers de Paris en 1789. Doc. recueil et annot par Ch.-L. Chasxin, v. 1—4. Paris, 1888—1889, v 3, p 453.

В тот же день, 25 июня, солдаты французской гвардии, покинув казармы, пили и братались с народом, который увлекал их за собой в разные кварталы города и ходил по улицам с криками: «Долой попов!»

Между тем парижские «округа», т. е. собрания выборщиков первой степени, которые продолжали сходиться и после выборов, правильно организовывались, особенно в рабочих кварталах, и принимали меры для боевого сопротивления Парижа. «Округа» находились между собой в постоянных сношениях, и их представители старались составить из себя род независимого городского управления помимо буржуазной ратуши. 25 июня в собрании избирателей Бонвиль уже призывал к оружию и предлагал избирателям составить «коммуну», ссылаясь на исторические данные из средних веков для подкрепления своего предложения. На следующий день после предварительного собрания в музее на улице Дофин представители округов отправились, наконец, на общее собрание в городскую ратушу; 1 июля уже происходило их второе заседание, протокол которого приводит Шассен*. Так образовался тот Постоянный комитет, который потом заседал в день 14 июля, и так создавалась революционная организация Парижа, сыгравшая впоследствии такую видную роль в дальнейшем ходе революции.

*Ibid., p 439—444, 458, 460

30 июня такого простого случая, как арест и заключение в тюрьму Аббатства (Abbaye) 11 солдат французской гвардии, отказавшихся зарядить свои ружья боевыми патронами, оказалось достаточно, чтобы вызвать в Париже целый бунт. Когда Лустало, редактор «Les Revolutions de Paris», взобрался на стул в Пале-Рояле против кафе Фуа и обратился с речью по этому поводу к толпе, взывая к действию, четыре тысячи человек тотчас же направились к тюрьме Аббатства и освободили арестованных солдат. Увидав приближающуюся толпу,

тюремщики поняли, что всякое сопротивление было бы бесполезно, и сами передали заключенных народу. В это время прискакали в карьер драгуны, готовые броситься на народ; но и они поколебались, вложили сабли в ножны и стали брататься с толпой — обстоятельство, нагнавшее страх на Национальное собрание, когда оно на другой день узнало, что войско оказалось заодно с бунтовщиками. «Неужели мы станем трибунами разнuzданного народа?» — спрашивали господа депутаты.

Бунт начинался и в окрестностях Парижа. В Нанжи народ отказался платить налоги до тех пор, пока они не будут установлены Собранием. Хлеба там не хватало (каждому покупателю продавали не больше двух четвериков пшеницы), и рынок был постоянно окружен драгунами. Но, несмотря на присутствие войска, и в Нанжи, и в других городках вокруг Парижа произошло несколько бунтов. Повсюду легко возникали ссоры между народом и булочниками: тогда у них захватывали весь хлеб, не платя им, говорит Юнг*. 27 июня газета «Mercure de France» рассказывает даже о попытках, сделанных в разных местах, между прочим в Сен-Кантене, скосить еще зеленые хлеба, так сильно чувствовался недостаток в хлебе.

*Young A. Op. cit. v. 3 p. 225

В Париже 30 июня патриоты начали уже записываться в кафе Погребка (du Caveau) ввиду восстания; а когда на другой день узнали, что де Брoльи назначен командующим войсками, население, доносили тайные доклады полиции, стало повсюду говорить и объявлять, что, «если войска дадут хоть один выстрел, все будет сожжено и разнесено... Оно говорит и многое другое, еще более страшное... Благоразумные люди не решаются выходить на улицу», — прибавляет тот же полицейский агент.

2 июля народный гнев направляется против герцога Артуа и семейства Полиньяков — приближенных королевы. Их собираются убить, а их дома — разгромить. Собираются также завладеть всеми пушками, размещенными по Парижу. Сборища становятся все многочисленнее; «ярость народа невообразима», говорится в тех же полицейских докладах. В этот же день, пишет в своем дневнике книгопродавец Гарди, «около восьми часов вечера, из сада Пале-Рояля разъяренная толпа» чуть было не двинулась в Версаль спасать депутатов третьего сословия, так как пронесся слух, что дворяне хотят их перебить. При этом начинают уже говорить о захвате оружия из Дома инвалидов, где имеются склады ружей и пушки.

Одновременно с негодованием против двора росло и раздражение, вызванное голодом. 4 и 6 июля власти стали принимать меры ввиду возможного грабежа булочных; по улицам, рассказывает Гарди, ходили патрули из французской гвардии, наблюдавшие за Распределением хлеба.

8 июля в самом Париже среди 20 тыс. безработных, которых правительство занимало земляными работами на Монмартре, разыгралась прелюдия к восстанию; а через два дня, 10-го, уже лилась кровь, и в тот же день народ начал жечь городские заставы. На шоссе д'Антен народ воспользовался тем, что застава была сожжена, чтобы ввозить, не платя пошлины, разную провизию и вино.

Очевидно, что Камилл Демулен никогда не решился бы 12 июля призывать народ к оружию, если бы он не был уверен из опыта предыдущих дней, что на его призыв откликнутся; если бы он не знал, что уже за 12 дней до того Лустало поднял толпу по менее значительному поводу и что теперь предместья Парижа только ждут первого сигнала, первого толчка, чтобы восстать.

Нетерпение принцев, уверенных в успехе своего переворота, ускорило удар, подготовлявшийся двором на 16-е. Королю пришлось действовать, таким образом, не дождавшись прибытия новых подкреплений в Версаль*.

*См письма саксонского уполномоченного Сальмура к Штуттергейму от 19 июля и 20 августа (Дрезденский архив) Цит по: *La Journee du 14 juillet 1789 Fragments des memoires ined de L.-G. Pitra. Publ. avec une mtrod et des notes par J. Flammermont. Paris, 1892*

Неккер был уволен 11-го, причем герцог Артуа поднес свой кулак под нос министру, когда он направлялся в залу заседаний совета министров. Король же со свойственным ему лицемерием сделал вид в совете, что ничего не знает, тогда как распоряжение об отставке министра уже было подписано им. Неккер беспрекословно подчинился приказаниям своего господина. Он даже предвосхитил его намерения, устроив свой отъезд в Брюссель так, чтобы не возбудить в Версале ни малейшего шума.

Париж узнал об этом только на другой день, в воскресенье 12-го, около полудня. Отставку Неккера, которая должна была быть первым актом военного переворота, все уже ожидали. Везде передавались также слова герцога де Брольи, говорившего, что он со своими 30 тыс. солдат, поставленных между Парижем и Версалем, «отвечает за Париж». А так как с утра стали носиться зловещие слухи о подготовлявшихся двором избиениях в столице, то «весь революционный Париж» направился к Пале-Роялю. Там и получено было известие о ссылке Неккера.

«Итак, двор решился начать войну?!» Тогда Камилл Демулен, выйдя из одного из палерояльских кафе, из кафе Фуа, со шпагой в одной руке и пистолетом в другой, взобрался на стул и обратился к толпе с призывом к оружию. Отломив ветку от дерева, он, как известно, сделал себе из зеленого листа кокарду, которая должна была служить знаком объединения. И его крик: «Нельзя терять ни минуты времени! К оружию!» — разнесся по всем предместьям.

После обеда громадная процессия с бюстами герцога Орлеанского и Неккера, обвитыми крепом (говорили, что герцог Орлеанский также сослан), двинулась через Пале-Рояль и улицу Ришелье к площади Людовика XV (теперешняя площадь Согласия). Площадь была занята войсками: швейцарцами, французской пехотой, гусарами и драгунами — под командой маркиза Безанваля. Войска скоро оказались окруженными народом; они старались оттиснуть толпу саблями и даже дали залп по народу; но под давлением несметной, все растущей толпы, которая толкала, давила, обволакивала их и разбивала их ряды, они вынуждены были отступить. С другой стороны, пронесся слух о том, что солдаты французской гвардии стреляли в королевский немецкий полк, верный королю, и что швейцарцы отказываются стрелять в народ. Тогда Безанваль, кажется, впрочем, не особенно

доверявший двору, отступил перед растущей народной волной и увел свои войска на Марсово поле*.

*«Солдаты французской гвардии, присоединившиеся к черни, стреляли в отряд полка Royal-Allemand, расположенный на бульваре, под моими окнами. Было убито двое и две лошади», — писал 13 июля Симолин, уполномоченный Екатерины II в Париже, канцлеру Остерману. Затем он прибавлял: «Третьего дня и вчера вечером сожгли городскую заставу Бланш и заставу предместья Пуассоньер». (Femilet de Conches F. S. Louis XVI, Mane-Antoinette et madame Elisabeth. Lettres et documents inedits, v. 1—6. Pans, 1864—1873, v. 1. p. 223).

Борьба, таким образом, началась. Но каков еще будет ее конечный исход, если войско, оставшееся верным королю, получит приказание идти на Париж? И вот буржуазные революционеры скрепя сердце решаются прибегнуть к крайнему средству: обратиться с призывом к народу. По всему Парижу бьют в набат и предместья начинают ковать пики*. Мало-помалу население выходит на улицу, вооруженное. Всю ночь люди из народа требуют у прохожих денег на покупку пороха. Заставы горят. Все заставы на правом берегу, от предместья Сент-Антуан до предместья Сент-Онорэ, а также у предместий Сен-Марсель и Сен-Жак, сожжены: съестные припасы и вино свободно, беспошлинно ввозятся в Париж. Всю ночь слышится набат и буржуазия дрожит за свои имущества, потому что люди, вооруженные пиками и дубинами, ходят по городу, грабят дома некоторых врагов народа и спекуляторов и стучатся в двери богатых, прося хлеба и оружия.

*Их было выковано 50 тыс., а также приготовлено «всевозможное второстепенное оружие» на счет города. См.: Dusaulx. L'oeuvre de sept jours. — In: Linguet, Dusaulx. Memoire sur la Bastille. Publ. par H. Monin. Paris. 1889, P. 203.

На другой день, 13-го, народ направляется прежде всего туда, где есть хлеб, а именно в монастырь Сен-Лазар, и осаждает его при криках: «Хлеба, хлеба!» Нагружают 52 повозки, но хлеб не грабят, а везут его на Центральный рынок, на площадь у ратуши, чтобы досталось всем. Туда же направляет народ и те припасы, которые беспошлинно ввозятся в Париж*.

*Со всех сторон к ратуше притекало бесконечное число возов, телег и тележек, остановленных у городских ворот и нагруженных припасами, посудой, мебелью и т. д. Народ, требовавший только оружия и боевых запасов... притекал к нам толпами и становился все настойчивее с каждой минутой». Это было 13 июля (Dusaulx. L'oeuvre de sept jours. — In: Linguet, Dusaulx. Op. cit., p. 197).

В то же время толпа овладевает тюрьмой Форс, где тогда содержались сидевшие за долги, и освобожденные заключенные идут по улицам Парижа и благодарят народ; но бунт заключенных в тюрьме Шатле оказался усмирленным, по-видимому, буржуазией, которая поспешно вооружалась и рассылала свои патрули по улицам. Около шести часов вечера сформировавшаяся буржуазная милиция уже направилась к ратуше, а в десять часов вечера, говорит Шассен, она уже вступила в должность.

Тэн и ему подобные, представляя собой верное отражение страхов буржуазии, стараются показать, что 13-го Париж «был в руках разбойников». Но это противоречит свидетельствам современников. Были, конечно, случаи, когда голытьба, вооруженная пиками, останавливала прохожих на улицах и просила у них денег на вооружение; было также и то, что в ночь с 12-го на 13-е и с 13-го на 14-е вооруженные люди стучались в двери богатых и просили у них есть и пить или оружия и денег. Известно также, что были попытки грабежа, потому что достойные доверия свидетели рассказывают, что в ночь с 13-го на 14-е несколько человек было повешено за такого рода попытки*. Но и здесь, как везде, Тэн страшно преувеличивает, когда ему нужно сказать что-нибудь против революции.

*Цитаты, приведенные Жюлем Фламмермоном в одном из примечаний в труде о 14 июля (*La Journee du 14 juillet. Fragment des memoires ined. de L. G. Pitra*), указывают на это очень определенно, более определенно, чем самый текст, в котором (р. CLXXXI, CLXXXII) замечаются некоторые противоречия. «После полудня, — говорит граф Сальмур, — буржуазная гвардия, уже сформировавшаяся, начала обезоруживать всех подозрительных людей. Она, а также вообще вооруженные буржуа и спасли Париж в эту ночь своей бдительностью... Ночь прошла спокойно и в полном порядке; воров и бродяг задерживали и в самых важных случаях тут же вешали» (Письмо графа Сальмура от 16 июля 1789 в Дрезденском архиве). Следующие фразы из письма доктора Ригби, приводимого Фламмермоном в примечании (*Ibid.*, р. CLXXXI II), которые я буквально перевожу с английского, говорят о том же: «Когда пришла ночь, можно было видеть лишь очень немногих из тех людей, которые вооружились накануне. Некоторые, однако, отказались отдать свое оружие и доказали в течение ночи, как справедливы были по отношению к ним опасения жителей, потому что они принялись грабить; но теперь этого уже нельзя было делать безнаказанно; их скоро обличили и схватили, и мы узнали на следующее утро, что некоторых из этих негодяев, пойманных на месте преступления, повесили» (*Dr. Rigby's Letters from France etc. in 1789. London, 1880, р. 55—57*). Чтение этих свидетельств приводит к тому выводу, что в рассказе Морелле, где говорится, что «в ночь с 13 на 14 июля были нападения на людей и на имущества», есть доля правды.

Что бы ни говорили теперешние буржуазные республиканцы, но революционеры 1789 г. обратились за содействием именно к тем «компрометирующим помощникам», о которых говорил Мирабо. Они пошли искать их в темных углах парижских предместий; и они поступили совершенно правильно, потому что если и было несколько случаев грабежа, то в общем эти «помощники», понимая важное значение этих дней, отдали свое оружие на служение общему делу гораздо больше, чем на удовлетворение своей личной мести или на облегчение своей личной нужды, как бы тяжела она ни была.

Несомненно, что случаи грабежа были очень редки. Наоборот, настроение вооруженной толпы стало очень серьезно, как только она узнала о столкновении, происшедшем между войсками и вооруженными буржуа. «Люди с пиками» считали себя, очевидно, защитниками города, несущими на себе большую ответственность. Гак, например, Мармонтель, заведомый противник революции, отмечает тем не менее следующую черту: «Сами разбойники, заразившись общим ужасом (?), не сделали ничего вредного. Единственные лавки, которые они заставили открыть, были лавки оружейников, и оттуда взяли оружие», — говорит он в своих «Мемуарах». А когда народ привез на площадь Грэвы (около ратуши)

карету принца Ламбеска с тем, чтобы сжечь ее, то он отдал сундук и все найденные в ней вещи в городскую ратушу. У монахов-лазаристов народ отказался взять деньги и отобрал только муку, оружие и вино, которые и были привезены на площадь Грэвы. Ничего в этот день не тронули ни в казначействе, ни в учетном банке, говорит в своем донесении английский посол.

Что правда, так это то, что при виде толпы в лохмотьях и голодных людей, вооруженных дубинами и пиками «всех видов», при виде вышедших на улицу призраков голода, буржуазию обуял такой ужас, от которого она с тех пор не могла опомниться. Впоследствии, в 1791 и 1792 гг., даже те из буржуа, которые стремились уничтожить монархию, предпочитали реакцию и иностранное нашествие новому призыву народа к революции. Воспоминание о голодном и вооруженном народе, который они на мгновение увидели на улицах 12, 13 и 14 июля 1789 г., не давало им покоя.

«Оружия!» — таков был общий крик, после того как народу удалось получить немного хлеба. Оружия искали повсюду, но не находили, и в предместьях день и ночь ковали из всего, что попадалось под руку, пики всевозможных форм.

Между тем буржуазия, не теряя ни минуты, организовывала свою власть, свое городское управление в ратуше и свою милицию.

Как известно, выборы в Национальное собрание были двухстепенными; но после окончания выборов выборщики третьего сословия, к которым присоединилось несколько выборщиков дворянства и духовенства, продолжали собираться, и начиная с 27 июня выборщики из разных избирательных округов собирались в ратуше с разрешения официальных властей муниципалитета, т. е. городского «бюро» и «министра города Парижа». Эти выборщики и взяли на себя организовать буржуазную милицию. Мы видели, что 1 июля происходило уже второе их заседание.

12 июля они образовали Постоянный комитет под председательством городского головы Флесселя и решили, что каждый из 60 избирательных округов Парижа выберет 200 граждан, известных и способных носить оружие, которые образуют милицию в 12 тыс. человек для охраны общественной безопасности. В течение четырех дней предполагалось довести численность этой милиции до 48 тыс. человек, причем Комитет в то же время старался обезоружить бедный народ.

«Таким образом, — говорит вполне справедливо Луи Блан, — буржуазия образовала для себя преторианскую гвардию в 12 тыс. человек. Народ хотели обезоружить во что бы то ни стало, хотя бы даже рискуя снова подпасть под власть двора».

Вместо зеленого цвета кокарды первых дней милиция должна была носить кокарду красную с синим, и Постоянный комитет принял меры, чтобы простой народ, вооружаясь, не наводнил бы собой ряды этой милиции. Он издал распоряжение, по которому всякий, кто будет носить оружие и красную с синим кокарду, не будучи записанным в одном из округов, будет предан суду Комитета. В ночь с 13 на 14 июля Постоянным комитетом был назначен и главнокомандующий этой национальной гвардии; это был человек дворянского

